

Психологические науки

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2022-204-150-163>

И. П. Волкова, А. В. Машкова

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИНТЕРНЕТА ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В статье приведены результаты сравнительного изучения показателей виктимного и интернет-зависимого поведения у подростков с нарушенным и нормативным развитием. Определены значимые взаимосвязи виктимного поведения и зависимости от интернета у подростков обеих групп. Выявлены статистически значимые групповые различия в степени выраженности показателей виктимного поведения, симптомов зависимости от интернета и компьютерных игр, большая степень выраженности игровой компьютерной зависимости у подростков с задержкой психического развития по сравнению с подростками с нормативным развитием и сенсорными нарушениями, предпочтения виртуального общения в компьютерной игре реальному.

Ключевые слова: виктимное поведение, игровая компьютерная зависимость, интернет-зависимость, киберсоциализация, подростки с ограниченными возможностями здоровья, социализация

I. Volkova, A. Mashkova

RELATIONSHIP BETWEEN VICTIM MENTALITY AND INTERNET ADDICTION AMONG ADOLESCENTS WITH DISABILITIES

The article presents the results of a comparative study of indicators of victim mentality and Internet-addicted behavior in adolescents with impaired and normative development. The study showed a significant correlation between victim mentality and Internet addiction in adolescents of both groups. Statistically significant group differences were revealed in the severity of indicators of victim mentality, symptoms of Internet addiction and video game addiction. The study also found a greater severity of video game addiction in adolescents with mental retardation compared to normal adolescents and those with sensory impairments. The former group was also found to prefer virtual communication through video games to real-life interaction.

Keywords: victim mentality, video game addiction, Internet addiction, cyber socialization, adolescents with disabilities, socialization

В настоящее время в психолого-педагогических исследованиях отмечается повышенный интерес ученых к изучению влияния стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий на психическое и личностное развитие подрастающего поколения. Дети подросткового возраста являются наиболее активными интернет-пользователями; каждый третий подро-

сток проводит в интернете практически треть своей жизни, при этом отмечается постоянный рост их сетевой активности [15]. Активными пользователями современных интернет-технологий становятся и подростки с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), осуществляющие выход в интернет за счет специализированных приложений к компьютерам и мобильным устройствам,

адаптированных с учетом физических (зрительных, слуховых, двигательных) нарушений.

Повышенная активность детей и подростков в интернет-пространстве обусловила постановку проблемы влияния цифровых технологий на процесс их социализации, на традиционные формы социальных практик [1; 14]. Интернет рассматривается как новый фактор социализации подрастающего поколения [21; 27], которое, начиная с самого раннего возраста, оказывается вовлеченным в разные виды деятельности в сетевом пространстве [13; 33]. Г. В. Солдатова выделяет цифровое детство как особый исторический тип детства, как новый культурно-психологический и социальный феномен, когда формируются новые отношения и способы деятельности ребенка в условиях цифровой социализации — киберсоциализации [32].

Влияние компьютерных технологий на процессы социализации подростков оценивается неоднозначно. С одной стороны, отмечаются позитивные аспекты информатизации общественной жизни, связанные с расширением возможностей получения образования, коммуникации, саморазвития и самореализации, что имеет особое значение для подростков с физическими и психическими недостатками. Как отмечает В. А. Плешаков, «...киберкоммуникация предоставляет пользователям возможность компенсации и нивелирования в ходе опосредствованного кибер-средой общения объективных и субъективных препятствий, которые нередко делают болезненными непосредственные (прямые) контакты: действительные, либо мнимые недостатки собственной внешности, дефекты речи, некоторые свойства характера или инвалидность, психические заболевания» [24, с.19]. В имеющихся исследованиях современные компьютерные технологии рассматриваются как значимый фактор преодоления последствий сенсорной, эмоциональной, когнитивной, образовательной и социальной депривации [8; 9]. Так, использование адапти-

рованных компьютерных программ, обучающих игр с применением 2D- и 3D-технологий, содержащих анимацию, звуковое и видеосопровождение, значительно повышает эффективность обучения учащихся с нарушениями в развитии [5; 29], способствует повышению концентрации внимания учащихся через визуальные и звуковые сигналы, усилению обратной связи при наличии трудностей коммуникации [40; 43]. Однако чрезмерная активность подростков в сетевом пространстве может иметь негативные последствия для их психофизического и личностного развития, связанные особенностями пубертатного возраста, который, с точки зрения биологических изменений, физического и полового созревания является периодом значительных изменений, происходящих на всех иерархических уровнях психики и личности [4]. В данном возрасте отмечается более низкая устойчивость к манипулятивным и агрессивным воздействиям из-за повышенной сензитивности к внешним влияниям, эмоциональной неустойчивости, сниженной способности к самоконтролю, низкого уровня социальной компетентности. Перестройка ранее сложившихся психологических структур личности в данном возрасте может обуславливать различные поведенческие девиации [18].

Поскольку интернет-пространство сегодня выступает одним из мест социализации подростков, в том числе подростков с ОВЗ, которая в основном носит нерегулируемый и стихийный характер, одной из актуальных проблем отечественных и зарубежных исследованиях является проблема рисков, связанных с чрезмерным использованием цифровых технологий [30]. Пользователи интернета могут подвергаться разным онлайн-рискам: контентным, связанным с использованием размещенных в сети материалов, содержащих незаконную или потенциально опасную информацию; техническим, обусловленным наличием вредоносных программ, попытками взлома аккаунтов, потери персональной информации. Каждый

второй школьник сталкивается в сетевом пространстве с негативным деструктивным контентом, пропагандирующем агрессию, аутоагрессию, наркотические вещества, порнографию и др. [32].

Наиболее распространенными рисками, с которыми сталкиваются практически все интернет-пользователи, и представляющими особую угрозу для детей и подростков, являются коммуникативные риски, связанные с общением в социальных сетях. С одной стороны, социальные сети являются для подростков ресурсом для удовлетворения потребностей детей данного возраста. Общение в виртуальном пространстве расширяет круг знакомств, способствует преодолению чувства одиночества, снижению социальной тревожности и неопределенности в дружеских отношениях и пр. [35], что имеет особое значение для подростков из-за сниженной мобильности при наличии дефектов развития и инвалидности [24]. С другой стороны, недостаточная саморегуляция поведения подростков может затруднять самоконтроль пребывания в сети. В сетевом пространстве формируются новые стереотипы поведения и ценностные ориентации детей и подростков, отмечается повышенный риск формирования дезадаптивных паттернов поведения за пределами интернет-среды [16].

Одним из негативных последствий чрезмерной активности подростков в социальных сетях является усиление явлений виктимных девиаций и виктимизации личности. Как отмечают исследователи, переход на цифровые технологии, виртуализация общения, может способствовать развитию девиантного поведения как массового социального явления среди подрастающего поколения [19]. Проблемы, которые ранее были характерны для подростков в реальном мире, перешли в виртуальную среду [21].

Виктимность рассматривается как приобретенное умение личности выступить при конкретных специфических обстоятельствах в качестве жертвы неблагоприятных социальных условий [36]; как повышенную

способность человека и определенной группы людей становиться при определенных ситуациях жертвами преступлений; либо неспособность человека избежать опасности там, где она объективно была предотвратима [39]. В зависимости от поведенческих характеристик выделяют разные ее виды: личностную, ролевую, возрастную и др. [25, с. 119]. Виктимность может быть как реализованной, так и потенциальной, когда сам человек демонстрирует виктимогенное поведение — провоцирование конфликтов, либо напротив, нерешительность, беспомощность, что создает повышенный риск стать жертвой агрессии [27; 37; 38]. Виртуализация общения создает риск кибербуллинга — одной из форм агрессии, осуществляемой с помощью электронных средств коммуникации и проявляющейся в моральном и психологическом насилии [6]. По данным исследований, практически все пользователи социальных сетей сталкивались с данным явлением [17]. Повышенный риск виктимизации подростков от кибербуллинга связывают с их личностной незрелостью, доверчивостью, отсутствием жизненного опыта и осведомленности в вопросах половых отношений, неумением полно и критично оценивать сложившуюся ситуацию и прогнозировать возможные действия других лиц [37]. Своими действиями подростки могут способствовать созданию виктимогенных ситуаций: размещают в своем профиле негативный контент, пренебрегают конфиденциальностью. Каждый третий российский школьник готов поделиться личной информацией о себе, почти половина из них давала свой пароль друзьям [34]. Повышенный риск подростков подвергаться разным рискам в сетевом пространстве связан также с отсутствием контроля со стороны родителей. Современные школьники достаточно сильно переживают столкновение с онлайн-рисками, однако взрослые плохо осведомлены о проблемах детей, с которыми им сложно справиться самостоятельно [32]. В исследовании, проведенном на выборке из 1200 подростков 12–15 лет, установлена

достоверная взаимосвязь времени, проводимого подростками в сети, в онлайн-общении, отношений с родителями и их подверженность кибербуллинг [44].

Повышенный риск виктимизации личности и подверженности кибербуллинг подростков с ОВЗ обусловлены не только возрастными, но и специфическими особенностями их развития из-за наличия физических и психических недостатков. Бесконтрольное использование сайтов знакомств и компьютерных игр подростками с нарушениями нервной системы, расстройствами аутистического спектра, гиперактивностью, дефицитом внимания, когнитивными нарушениями, может создавать особый риск онлайн-агрессии, возможных сексуальных домогательств из-за повышенной ведомости и зависимости от социального окружения в реальной жизни [42; 45]. Патопсихологический симптомокомплекс виктимности у несовершеннолетних с психическими расстройствами формируется при взаимодействии возрастного, дизонтогенетического и психопатологического факторов. Несформированность базовых психологических структур в сочетании с излишней доверчивостью, подчиняемостью, внушаемостью и т. д. приводит к неспособности подростков с психическими нарушениями своевременно осознать сексуальную направленность действий преступника, их нравственно-этическую сущность и социальные последствия [22]. Высокий виктимогенный статус подростков с ОВЗ связывают также с наличием в общественном сознании неадекватных образов в системе «человек-инвалид» [38].

В качестве особого риска при чрезмерном использовании цифровых технологий рассматривается риск формирования одной из форм аддиктивного поведения — интернет-зависимости [10; 12; 41; 46], которая, по данным многочисленных исследований, коррелирует с проявлениями физической, психической и социальной дезадаптации [3; 7] и рассматривается как деструктивное поведение [28].

Несмотря на то, что подростки с ОВЗ являются особой группой риска негативных последствий чрезмерного использования цифровых технологий, в коррекционной психологии ощущается дефицит исследований, направленных на изучение формирования деструктивных форм поведения данной категории детей подросткового возраста в сетевом пространстве.

Цель исследования — изучение предрасположенности к виктимному поведению подростков во взаимосвязи с риском формирования зависимости от интернета и компьютерных игр у подростков с ОВЗ. Исследование проводилось в образовательных учреждениях г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, г. Новосибирска и Новосибирской области (г. Искитим), г. Макарьево Костромской области. В исследовании приняло участие 200 школьника подросткового возраста (100 нормально развивающихся подростков и 100 подростков с ОВЗ). В группу подростков с ОВЗ вошли 42 подростка с сенсорными нарушениями (нарушениями слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата — ДЦП) и 60 подростков с задержкой психического развития (ЗПР). Средний возраст испытуемых — 14,5 лет.

Основными методами исследования являлись психодиагностические, опросные методы, методы математической статистики: описательная статистика; сравнительный анализ (критерий Манна — Уитни); корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена). Для обработки результатов исследования был использован пакет прикладных программ статистической обработки данных SPSS Statistics 23.0.

Для изучения особенностей виктимного поведения использовался опросник «Диагностика склонности к виктимному поведению» О. О. Андронниковой [2]. Изучение степени выраженности интернет-зависимого поведения осуществлялось посредством теста «Шкала интернет-зависимости» Чена в адаптации К. А. Феклисова, теста-опросника степени увлеченности младших

подростков компьютерными играми А. В. Гришиной, теста Такера, направленного для установления зависимости от компьютерных игр, адаптированного для несовершеннолетних И. А. Коньгиной. Для получения дополнительной информации об особенностях сетевой активности

подростков проводился опрос подростков и родителей посредством разработанных нами анкет.

Результаты изучения склонности подростков к виктимному поведению (опросник О. О. Андронниковой) представлены в таблице 1.

Таблица 1

Средние значения склонности подростков к виктимному поведению

Показатели склонности подростков к виктимному поведению	Группы		U-критерий	p =
	Подростки с нормативным развитием	Подростки с ОВЗ		
Социальная желательность ответов	5,1	6,1	3914,500	0,004
Склонность к агрессивному виктимному поведению	5,5	4,2	4202,000	0,03
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	6,7	4,5	3445,000	0,0001
Склонность к гиперсоциальному виктимному поведению (модель инициативного виктимного поведения)	6,0	5,5	4026,500	0,01
Склонность к зависимому и беспомощному поведению (модель пассивного виктимного поведения)	4,2	3,9	—	—
Склонность к некритичному поведению (модель некритичного виктимного поведения)	5,3	3,9	3296,000	0,00001
Реализованная виктимность	3,9	3,0	4019,500	0,01

Примечание: В соответствии с опросником оценка склонности и показателей виктимного поведения оценивается по каждой шкале в баллах. Шкала «Реализованная виктимность»: 1–7 баллов — показатели ниже нормы; 8–12 баллов — нормативные показатели; 13–18 баллов — показатели выше нормы; Шкала «Социальная желательность ответов»: 1–2 балла — показатели ниже нормы; 3–5 баллов — нормативные показатели; 6–9 — показатель выше нормы; Шкала «Склонность к агрессивному поведению»: 1–8 баллов — показатели ниже нормы; 9–16 баллов — нормативные показатели; 17–27 баллов — показатели выше нормы; Шкала «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению»: 1–7 баллов — показатели ниже нормы; 8–11 баллов — нормативные показатели; 12–22 балла — показатели выше нормы; Шкала «Склонность к гиперсоциальному поведению»: 1–4 балла — показатели ниже нормы; 5–7 баллов — нормативные показатели; 8–14 баллов — показатели выше нормы; Шкала «Склонность к зависимому и беспомощному поведению»: 1–6 баллов — показатели ниже нормы; 7–12 баллов — нормативные показатели; 13–19 баллов — показатели выше нормы; Шкала «Склонность к некритичному поведению»: 1–7 баллов — показатели ниже нормы; 8–12 баллов — нормативные показатели; 13–19 баллов — показатели выше нормы.

Данные таблицы показывают, что средние значения выраженности *реализованной виктимности* у подростков обеих групп ниже нормативных значений. Это свидетельствует о том, что у подростков успел выработаться защитный способ поведения, позволяющий избегать возможных рисков в процессе социального взаимодействия. Однако у подростков обеих групп может отмечаться внутренняя готовность при определенных обстоятельствах к реализации виктимного поведения. Данный риск значимо более выражен у подростков с нормативным развитием ($U = 4019,500$, при $p = 0,01$). Можно предположить, что менее выраженная готовность к реализации виктимного поведения у подростков с ОВЗ обусловлена, с одной стороны, их меньшей активностью в использовании средств онлайн-коммуникации из-за технических трудностей. С другой стороны, более низкие средние значения степени выраженности показателей реализованной виктимности, а также некоторых моделей виктимного поведения (табл. 1) могут быть связаны с недостаточной искренностью подростков с ОВЗ по сравнению со сверстниками с нормативным развитием при проведении исследования, о чем свидетельствует наличие статистически значимых групповых различий по шкале «социальная желательность ответов» ($U = 3914,500$, при $p = 0,004$).

Реализованная виктимность включает комплекс взаимосвязанных моделей виктимного поведения (агрессивный тип, активный / с аморализующий тип, инициативный, пассивный, некритичный тип) [2]. Средние значения показателей *склонности к агрессивному виктимному поведению* у подростков обеих группы также ниже нормативных значений, что свидетельствует об имеющей место тенденции снижения мотивации достижений у подростков, их обидчивости. Снижение риска подростков попадать в опасные ситуации, ситуации «жертвы», обеспечивает самоконтроль, стремление придерживаться принятых норм и правил поведения, сохранение целей своей деятельности в сети.

Данный тип виктимного поведения статистически значимо выражен у подростков с нормативным развитием ($U = 4202,000$, при $p = 0,03$).

Групповые показатели склонности к *самоповреждающему и саморазрушающему поведению* в обеих группах ниже нормативных значений. Подростки стремятся избегать опасных ситуаций и неприятностей. Данное поведение в сочетании с повышенной тревожностью, мнительностью могут проявляться в чрезмерной осторожности подростков. У подростков с нормативным развитием данные особенности поведения статистически значимо более выражены ($U = 3445,000$, при $p = 0,0001$). Средние значения показателя склонности к *гиперсоциальному поведению (модель инициативного виктимного поведения)* подростков с ОВЗ находятся ниже нормативных показателей, а у подростков с нормативным развитием — на границе нормативных значений. Данные различия являются статистически значимыми ($U = 4026,500$, при $p = 0,01$). Подростки с ОВЗ характеризуются большей пассивностью и равнодушием к происходящим вокруг них событиям, что может быть обусловлено переживаниями ощущения изолированности, непонимания со стороны окружающих, отсутствия чувства социальной поддержки. Данную модель поведения исследователи связывают с совокупностью социально-психологических свойств личности, характерных для лиц с неблагоприятными особенностями социализации и социальной адаптации — эмоциональной неустойчивостью, низким самоконтролем, сниженной способностью к абстрактному мышлению, повышенной конфликтностью из-за наличия психических нарушений, а также с дефицитом поступления информации из-за нарушений зрения, слуха [25].

Средние значения показателей склонности подростков *модели некритичного виктимного поведения* в обеих группах ниже нормативных значений, что также подтверждает их осторожность в поведении из-за

повышенной тревожности, неудовлетворенности своими достижениями, самореализацией, переживаниям чувства досады, зависти и пр. Данное поведение также в большей степени на статистически значимом уровне выражено у нормально развивающихся подростков ($U = 3296,000$, при $p = 0,00001$).

Выраженность *склонности к зависимому и беспомощному поведению (модель пассивного виктимного поведения)* в обеих группах ниже нормативных значений. При этом значимых групповых различий в средних значениях выраженности данной модели виктимного поведения не выявлено. Для подростков обеих групп в одинаковой степени характерны стремление к независимости, обособленности, что, с одной стороны, как отмечают исследователи, может быть обусловлено особенностями возрастного развития, доминированием потребности в самореализации, в признании со стороны

окружающих, взрослых, частым проявлением непримиримости к их мнению, конфликтностью, негативизмом, скептицизмом и др. [4]. С другой стороны, по данным исследования, модель пассивного виктимного поведения может быть характерна для лиц с инвалидностью, переживающих отсутствие социальной поддержки и включенности в социум. Склонность ко лжи также связывают с данной моделью поведения [23; 25].

Риск виктимного поведения подростков в интернет-пространстве может сочетаться с другими серьезными рисками при их чрезмерном использовании компьютерных технологий. В таблице 2 представлены количественные данные изучения степени выраженности риска формирования у подростков интернет-зависимости и основных ее признаков (симптомов) («Шкала интернет-зависимости» Чена в адаптации К. А. Феклисовой).

Таблица 2

Средние значения выраженности общего показателя и симптомов интернет-зависимости у подростков

Показатели	Группы		U-критерий	p =
	Подростки с нормативным развитием	Подростки с ОВЗ		
Ключевые симптомы интернет-зависимости	26,1	27,7	–	–
Проблемы, связанные с интернет-зависимостью	18,7	21,0	–	–
Общий CIAS балл	44,8	49,2	–	–
Com (компульсивные симптомы)	9,7	9,6	–	–
Wit (симптомы отмены)	8,5	10,7	3987,0	0,005
Tol (симптомы толерантности)	7,9	8,5	–	–
ИИ (внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем)	10,5	12,0	–	–
ТМ (проблемы с управлением временем)	8,1	9,4	4103,0	0,02

Примечание: степень выраженности интернет-зависимости — общий показатель (CIAS балл) — оценивается суммированием баллов по всем шкалам методики. Показатели от 27 до 42 баллов — отсутствие интернет зависимо поведения; 43–64 балла — склонность к возникновению интернет-зависимого поведения / доаддиктивный этап; 65 баллов и выше — наличие интернет-зависимого поведения.

Средние значения Общего CIAS балла у подростков с ОВЗ и их нормально развивающихся сверстников не достигают показателей выраженной интернет-зависимости и соответствуют наличию *склонности к возникновению интернет-зависимого поведения* (42,9 и 44,8 соответственно). При этом у подростков с ОВЗ и подростков с нормативным развитием отмечаются статистически значимые различия по таким ключевым симптомам зависимости от интернета, как *симптом отмены* (U-критерий = 3987,0, $p = 0,005$), *проблемы управления временем* (U-критерий = 4103,0, $p = 0,02$). Подростки с ОВЗ в большей степени испытывают дискомфорт при необходимости прервать использование интернета на определенный период времени, а также имеют большие трудности с контролем времени пребывания в сети, что может негативно сказываться на их самочувствии. Психологические проблемы подростков с ОВЗ, связанные с трудностями самоконтроля времени деятельности в интернете, могут быть обусловлены их чрезмерной увлеченностью компьютерными

играми. Об этом свидетельствуют результаты изучения увлеченности подростками компьютерными играми (опросник А. В. Гришиной [10]), представленные в таблице 3.

У подростков обеих групп выявлен *средний уровень вовлеченности в компьютерную игровую деятельность*, когда увлеченность компьютерными играми не достигает выраженной зависимости. Компьютерные игры (КИ) являются для подростков обеих групп существенной частью их жизни, но часто используются не только для проведения свободного времени. КИ выступают для подростков средством получения эмоциональной разрядки, хотя они еще могут контролировать временные затраты на их использование. В то же время, подростки с ОВЗ показывают на статистически значимом уровне большую степень увлеченности КИ по сравнению с нормально развивающимися сверстниками (U-критерий = 4084,500, $p = 0,01$). Статистически значимые различия в средних значениях отмечаются и по другим шкалам опросника, за исключением «шкалы роди-

Таблица 3

Средние значения степени увлеченности подростков компьютерными играми

Показатели	Группы		U-критерий	p =
	Подростки с нормативным развитием	Подростки с ОВЗ		
Шкала игровой компьютерной зависимости	12,5	14,9	4084,500	0,01
Шкала эмоционального отношения к компьютерным играм	9,1	11,4	3894,000	0,002
Шкала самоконтроля в КИ	18,1	21,4	4134,000	0,01
Шкала родительского отношения к компьютерным играм	3,4	4,0	–	–
Шкала предпочтения виртуального общения в КИ реальному общению	6,6	7,8	4228,000	0,03

Примечание: степень увлеченности компьютерными играми оценивается в баллах: 6–11 баллов — естественный уровень вовлеченности в компьютерные игры (КИ); 12–21 балл — средний уровень вовлеченности в компьютерные игры (КИ); 22–27 баллов — игровая компьютерная зависимость.

тельского отношения к компьютерным играм» (см. табл. 3). КИ для подростков с ОВЗ имеют большую эмоциональную привлекательность. Испытывая эмоциональный подъем во время игры, подростки с ОВЗ компенсируют неудовлетворенность из-за проблем в общении, в родительской заботе и т. д. (U-критерий = 3894,000, $p = 0,002$ — «Шкала эмоционального отношения к компьютерным играм»). Подростки с ОВЗ показывают также на статистически значимом уровне более низкий уровень самоконтроля в процессе игры, трудности планирования ее окончания и большую степень раздражительности при вынужденном отвлечении от игры (U-критерий = 4134,000, $p = 0,01$). Данные особенности поведения подростков с ОВЗ могут создавать больший риск *предпочтения виртуального общения реальному общению* по сравнению с нормально развивающимися подростками (U-критерий = 4228,000, $p = 0,03$). Компьютерная игра выступают средством общения и самоутверждения, и может заменять процесс реального социального взаимодействия.

Отсутствие значимых групповых различий по «Шкале родительского отношения к КИ» могут быть обусловлены наличием контроля со стороны их родителей, которые лимитируют время для использования интернета, в том числе и компьютерных игр. Так, результаты опроса родителей показали, что 26% родителей подростков с ОВЗ и 42% родителей подростков с нормативным развитием устанавливают временной режим и следят за тем, какие сайты посещают их дети; 80% родителей подростков обеих групп знают о существовании специальных программ для технического контроля безопасности ребенка в интернете.

Более выраженная степень увлеченности подростков с ОВЗ компьютерными играми подтверждается и результатами изучения склонности подростков к игровой зависимости посредством методики Т. А. Такера. Если у нормально развивающихся подростков средние значения показателя предрасполо-

женности к компьютерным играм находятся на нижней границе нормативных значений, то у подростков с ОВЗ данный показатель существенно выше, хотя и не выходит за верхние границы нормативных значений (3,0 и 5,2 балла соответственно, $N = 3-7$ баллов). Данные различия статистически значимы (U-критерий = 3528,500, $p = 0,0001$). Статистически значимые различия увлеченности компьютерными играми отмечаются у подростков с разными вариантами нарушений развития: подростки с ЗПР более склонны к чрезмерной увлеченности компьютерными играми по сравнению с подростками с сенсорными нарушениями (U-критерий = 320,0, $p = 0,001$).

Результаты корреляционного анализа показали наличие значимых взаимосвязей показателей виктимного и интернет-зависимого поведения. Шкала «Склонность к зависимому и беспомощному поведению» (методика О. О. Андронниковой) имеет положительную корреляцию с общим показателем интернет-зависимости — «Общий CIAS балл» ($r = 0,96$, при $p < 0,01$), показателем «компульсивные симптомы» ($r = 0,97$, при $p < 0,01$), то есть модель пассивного виктимного поведения, установки на беспомощность из-за физической слабости, повышенной зависимости, опасения ответственности за собственные действия опосредует повышение риска формирования общей интернет-аддикции, трудность преодоления желания войти в интернет. Показатель «Склонность к зависимому и беспомощному поведению» (методика Андронниковой) имеет отрицательную корреляцию со шкалой родительского отношения к компьютерным играм (методика Гришиной) ($r = -0,97$, $p < 0,05$), что может свидетельствовать о значении родительского контроля за активностью подростков в сетевом пространстве; контроль со стороны родителей снижает риск подростка оказаться в позиции «жертвы» в процессе общения в сетевом пространстве.

Показатель «Агрессивное поведение» (методика Андронниковой) положительно

коррелирует со шкалой «Симптомы отмены» ($r = 1,00$, при $p < 0,01$), то есть большая склонность подростков попадать в неприятные, опасные для жизни и здоровья ситуации в результате проявленной ими агрессии в форме какого-либо провоцирующего поведения (оскорбление, клевета, антиобщественное поведение, нарушение социальных норм и этических ценностей и др.) опосредована переживаниями повышенного дискомфорта при необходимости прервать использование интернета на определенный период времени. Шкала «Симптомы толерантности» (методика Чена) положительно взаимосвязана с показателем методики «Склонность к гиперсоциальному поведению» (методика Андронниковой) ($r = 0,92$, при $p < 0,01$). Увеличение количества времени, проводимого в интернете, опосредует повышение риска попадать в конфликтные ситуации, демонстрировать жертвенное, социально одобряемое и зачастую ожидаемое поведение. Данное поведение в сочетании с излишней самонадеянностью, социальной некомпетентностью может повышать риск оказываться в позиции «жертвы».

Показатель «Проблемы с управлением временем» (методика Чена) отрицательно коррелирует с показателем уровня эмоционального отношения к КИ ($r = -0,99$, $p < 0,05$) (методика Гришиной), то есть трудность контролировать время проведения в интернете опосредует большую увлеченность компьютерными играми, их эмоциональную привлекательность для подростков, стремление снимать психологический дискомфорт с помощью КИ.

Результаты проведенного эмпирического исследования подтверждают повышенный риск формирования деструктивных паттернов поведения подростков в сетевом пространстве при их чрезмерной увлеченности современными компьютерными технологиями — склонность к виктимному и интернет-зависимому поведению, к игровой компьютерной зависимости. Наряду с общими тенденциями формирования данных форм поведения,

обусловленными возрастными особенностями развития, существуют различия в степени их выраженности и показателях проявления у подростков с нормативным и нарушенным развитием.

Подростки с нормативным развитием отличаются большей демонстрацией активных моделей виктимного поведения (агрессивного, инициативного типа), «возрастную виктимность». Для подростков с ОВЗ характерна пассивная модель виктимного поведения — «ролевая виктимность», обусловленная специфическими особенностями психического и личностного развития из-за наличия сенсорных и интеллектуальных нарушений. Стремление к удовлетворению потребности в получении поддержки, сочувствии, помощи от окружающих может обуславливать склонность к зависимому и беспомощному поведению. Соблюдая установленные в интернет-пространстве нормы и правила взаимного поведения, подростки с ОВЗ часто затрудняются в оказании противодействия агрессивным действиям со стороны других пользователей интернета. Ролевая позиция «жертвы» может закрепляться в результате неоднократного попадания в ситуацию посягательств, приводить к виктимизации личности подростков с ОВЗ, повышенной подверженности кибербуллингу.

Более выраженные у подростков с ОВЗ склонность к интернет-зависимости и такие ее показатели, как «симптом отмены», «проблемы управлением временем» в сочетании с более выраженной склонностью к игровой компьютерной зависимости, свидетельствуют о том, что интернет-коммуникация, интенсивное использование компьютерных игр, с одной стороны, выступает для подростков с ОВЗ компенсаторным ресурсом, позволяющим снимать эмоциональное напряжение, преодолевать сложности коммуникации и самореализации, с другой стороны, содержит опасность формирования выраженной интернет-зависимости, виктимизации личности, социальной дезадаптации за пределами сетевого пространства. Перспективы

дальнейших исследований связаны с выявлением специфики виктимного поведения и формирования разных форм зависимостей от интернета у подростков с разными формами психического дизонтогенеза. Кроме

того, представляется целесообразным более детальное изучение целей и мотивов использования интернета, их взаимосвязей с личностными чертами у подростков с ОВЗ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айсина Р. М., Нестерова А. А.* Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. №4. С.42–57. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100404>
2. *Андронникова О. О.* Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Новосибирск, 2005. 20 с.
3. *Антоненко А. А.* Психопатологические феномены, сопровождающие интернет-зависимое поведение у подростков и их профилактика // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2015. № 1 (7). С. 1–4.
4. *Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2009. 400 с.
5. *Бухтиярова И. Н.* Информационные технологии как фактор развития современного инклюзивного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6 (1). С. 122–125.
6. *Бочавер А. А., Хломов К. Д.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т.11. №3. С. 177–191.
7. *Войскунский А. Е.* Перспективы формирования психологии Интернета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 110–118.
8. *Волкова И. П., Королева Н. Н., Богдановская И. М., Иконникова Г. Ю., Машикова А. В.* Проблемное использование интернета подростками с ограниченными возможностями здоровья // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 9. С. 98–121. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-9-98-121>
9. *Волкова И. П., Писаренко Е. Н.* Значение и особенности использования инвалидами по зрению компьютерных сетевых технологий // Гуманитарные науки. 2017. № 2 (38). С. 50–55.
10. *Гриффиц М.* Проблемная онлайн-игра: разногласия, дебаты и споры // Медицинская психология в России. 2015. № 4 (33). Статья 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения 15.01.2022).
11. *Гришина А. В.* Тест-опросник степени увлеченности младших подростков компьютерными играми // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 4. с. 131–141.
12. *Егоров А. Ю.* Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции // Медицинская психология в России. 2015. № 4 (33). Статья 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения 17.01.2022).
13. *Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш.* Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. 2012. № 1 (7). С. 81–87.
14. *Ефимова Т. В.* Социализация в условиях постиндустриальной культуры // Человек и образование. 2011. № 4 (29). С. 4–9.
15. *Зотова Д. В., Розанов В. А.* Патологическое использование и зависимость от социальных сетей — анализ с позиций феноменологии аддиктивного поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. № 2. С. 158–183. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.204>
16. *Мазурчук Е. О., Мазурчук Н. И.* Девиантное поведение молодежи в виртуальном пространстве: кибербуллинг // Педагогическое образование в России. 2020. № 6. С. 224–229. <https://doi.org/10.26170/ro20-06-26>
17. *Макарова Е. А., Макарова Е. Л., Махрина Е. А.* Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 3. С. 293–311. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.17>
18. *Малыгин В. Л., Хомерики Н. С., Антоненко А. А.* Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения // Медицинская психология в России. 2015. № 7 (30). С. 7.
19. *Марарица Л. В., Антонова Н. А., Ерицян К. Ю.* Общение в интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности // Петербургский психологический журнал. 2013. № 5. С. 35–49.

20. *Марцинковская Т. Д.* Идентичность в транзитивном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 11–20.
21. *Матанцева Т. Н.* Факторы виктимного поведения подростков как социальная проблема психологической науки // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 8. С. 74–81.
22. *Морозова Н. Б.* Психические расстройства и их роль в виктимном поведении детей и подростков. М.: Просвещение, 2005. 227 с.
23. *Печерникова Т. П., Морозова Н. Б.* Клиника и судебно-психиатрическая оценка психогенных состояний у несовершеннолетних потерпевших // Судебно-медицинская экспертиза. 1991. № 1. С. 42–44.
24. *Плешаков В. А.* Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a. М.: Прометей, 2012. 212 с.
25. *Репецкая А. Л.* Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1994. 152 с.
26. *Рубцова О. В.* Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть вторая) // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 100–108. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150410>
27. *Руденский Е. В.* Депривационный виктимизм как социально-психологический механизм онтогенеза личной виктимности // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 1 (38). С. 141–146.
28. *Рыбалтович Д. Г., Зайцев В. В.* Интернет-зависимость: реальная патология или норма развития информационного человечества? // Вестник психотерапии. 2011. № 40 (45). С. 23–34.
29. *Сайфутдиyarova E. Ф., Фатихова Л. Ф.* Анализ зарубежных исследований по проблеме использования компьютерных технологий в коррекционно-образовательной работе с учащимися с ОВЗ // Вестник Марийского государственного университета. 2017. Т. 11. № 3 (27). С. 75–80.
30. *Солдатова Г. У., Шляпников В. Н., Журина М. А.* Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 3 (87). С. 50–66. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230304>
31. *Солдатова Г. У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
32. *Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю.* Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.
33. *Солдатова Г., Олькина О.* Минусы открытости // Дети в информационном обществе. 2015. № 20. С. 36–47.
34. *Солдатова Г., Рассказова Е.* Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал. 2014. № 3 (15). С. 39–51. <https://doi.org/10.11621/nprj.2014.0305>
35. *Сорокина А. Б.* Интернет в жизни современных детей и подростков: проблема и ресурс // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 1. С. 45–64.
36. *Тарасенко Д. В.* К вопросу о социальной характеристике личности несовершеннолетнего, потерпевшего от сексуального насилия // Виктимология. 2018. № 1 (15). С. 65–68.
37. *Фалкина С. А.* Психологические характеристики подростков, склонных к виктимному поведению в Интернет-сети // Перспективы науки и образования. 2014. № 1. С. 230–236.
38. *Фоминых Е. С.* Нарушения личностных границ студента-инвалида в контексте его виктимной деформации // Известия ВГПУ. 2012. № 1 (65). С. 122–125.
39. *Франк Л. В.* Виктимология и виктимность. Душанбе: Ирфон, 1972. 264 с.
40. *Chakraborty J., Chakraborty S., Dehlinger J., Hritz J.* Designing video games for the blind: Results of an empirical study // Universal Access in the Information Society. 2017. No. 16 (3). P. 809–818. <https://doi.org/10.1007/s10209-016-0510-z>
41. *Goldberg I.* Internet addiction disorder // Cyberpsychology and Behavior. 1996. Vol. 3. No. 4. P. 403–412.
42. *Good B., Fang L.* Promoting smart and safe internet use among children with neurodevelopmental disorders and their parents // Clinical Social Work Journal. 2015. Vol. 43. No. 2. P. 179–188. <https://doi.org/10.1007/s10615-015-0519-4>
43. *Sallafranque-St-Louis F., Normand C. L.* From solitude to sollicitation: How people with intellectual disability or autism spectrum disorder use the Internet // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2017. Vol. 11. No. 1. Article 7. <https://doi.org/10.5817/CP2017-1-7>
44. *Park S., Kim E.* The relationship between online activities, netiquette and cyberbullying // Children and Youth Services Review. 2014. Vol. 42. P. 74–81.

45. *Peluchette J. V., Karl K., Wood C., Williams J.* Cyberbullying victimization: Do victims' personality and risky social network behaviors contribute to the problem? // *Computers in Human Behavior*. 2015. Vol. 52. P. 424–435. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.06.028>

46. *Young K. S.* Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder // *CyberPsychology and Behavior*. 1998. Vol. 1. No. 3. P. 237–244.

REFERENCES

1. *Ajsina R. M., Nesterova A. A.* Kibersotsializatsiya molodezhi v informatsionno-kommunikatsionnom prostranstve sovremennogo mira: efekty i riski // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2019. T. 10. № 4. S.42–57. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100404>

2. *Andronnikova O. O.* Psikhologicheskie faktory vozniknoveniya viktimmogo povedeniya podrostkov: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk. Novosibirsk, 2005. 20 s.

3. *Antonenko A. A.* Psikhopatologicheskie fenomeny, soprovozhdayushchie internet-zavisimoe povedenie u podrostkov i ikh profilaktika // *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika*. 2015. № 1 (7). S. 1–4.

4. *Bozhovich L. I.* Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. SPb.: Piter, 2009. 400 s.

5. *Bukhtiyarova I. N.* Informatsionnye tekhnologii kak faktor razvitiya sovremennogo inklyuzivnogo obshchestva // *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2015. № 6 (1). S. 122–125.

6. *Bochaver A. A., Khlomov K. D.* Kiberbullying: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologij // *Psikhologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*. 2014. T.11. № 3. S. 177–191.

7. *Vojskunskij A. E.* Perspektivy formirovaniya psikhologii Interneta // *Psikhologicheskij zhurnal*. 2013. T. 34. № 3. S. 110–118.

8. *Volkova I. P., Koroleva N. N., Bogdanovskaya I. M., Ikonnikova G. Yu., Mashkova A. V.* Problemnoe ispol'zovanie interneta podrostkami s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya // *Obrazovanie i nauka*. 2019. T. 21. № 9. S. 98–121. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-9-98-121>

9. *Volkova I. P., Pisarenko E. N.* Znachenie i osobennosti ispol'zovaniya invalidami po zreniyu komp'yuternykh setevykh tekhnologij // *Gumanitarnye nauki*. 2017. № 2 (38). S. 50–55.

10. *Griffits M.* Problemnaya onlajn-igra: raznoglasiya, debaty i spory // *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*. 2015. № 4 (33). Stat'ya 5. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://mprj.ru> (data obrashcheniya 15.01.2022).

11. *Grishina A. V.* Test-oprosnik stepeni uvlechenosti mladshikh podrostkov komp'yuternymi igrami // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*. 2014. № 4. S. 131–141.

12. *Egorov A. Yu.* Sovremennye predstavleniya ob internet-addiktivnykh i podkhodakh k ikh korrektsii // *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*. 2015. № 4 (33). Stat'ya 4. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://mprj.ru> (data obrashcheniya 17.01.2022).

13. *Emelin V. A., Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh.* Psikhologicheskie posledstviya razvitiya informatsionnykh tekhnologij // *Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal*. 2012. № 1 (7). S. 81–87.

14. *Efimova T. V.* Sotsializatsiya v usloviyakh postindustrial'noj kul'tury // *Chelovek i obrazovanie*. 2011. № 4 (29). S. 4–9.

15. *Zotova D. V., Rozanov V. A.* Patologicheskoe ispol'zovanie i zavisimost' ot sotsial'nykh setej — analiz s pozitsij fenomenologii addiktivnogo povedeniya // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*. 2020. T. 10. № 2. S. 158–183. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.204>

16. *Mazurchuk E. O., Mazurchuk N. I.* Deviantnoe povedenie molodezhi v virtual'nom prostranstve: kiberbullying // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2020. № 6. S. 224–229. <https://doi.org/10.26170/po20-06-26>

17. *Makarova E. A., Makarova E. L., Makhrina E. A.* Psikhologicheskie osobennosti kiberbullinga kak formy interenet-prestupleniya // *Rossijskij psikhologicheskij zhurnal*. 2016. T. 13. № 3. S. 293–311. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.17>

18. *Malygin V. L., Khomeriki N. S., Antonenko A. A.* Individual'no-psikhologicheskie svoystva podrostkov kak faktory riska formirovaniya internet-zavisimogo povedeniya // *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*. 2015. № 7 (30). S. 7.

19. *Mararitsa L. V., Antonova N. A., Eritsyayn K. Yu.* Obshchenie v internete: potentsial'naya ugroza ili resurs dlya lichnosti // *Peterburgskij psikhologicheskij zhurnal*. 2013. № 5. S. 35–49.

20. *Martsinkovskaya T. D.* Identichnost' v tranzitivnom i virtual'nom prostranstve // *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie"*. 2018. № 4 (14). S. 11–20.

21. *Matantseva T. N.* Faktory viktimmogo povedeniya podrostkov kak sotsial'naya problema psikhologicheskoy nauki // *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Kontsept"*. 2016. T. 8. S. 74–81.

22. *Morozova N. B.* Psikhicheskie rasstrojstva i ikh rol' v viktimnom povedenii detej i podrostkov. M.: Prosveshchenie, 2005. 227 s.
23. *Pechernikova T. P., Morozova N. B.* Klinika i sudebno-psikhiatricheskaya otsenka psikhogennykh sostoyanij u nesovershennoletnikh poterpevshikh // Sudebno-meditsinskaya ekspertiza. 1991. № 1. S. 42–44.
24. *Pleshakov V. A.* Kibersotsializatsiya cheloveka: ot HomoSapiens'a do HomoCyberus'a. M.: Prometej, 2012. 212 c.
25. *Repetskaya A. L.* Vinovnoe povedenie poterpevshego i printsip spravedlivosti v ugolovnoj politike. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 1994. 152 s.
26. *Rubtsova O. V.* Tsifrovye tekhnologii kak novoe sredstvo oposredovaniya (Chast' vtoraya) // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2019. T. 15. № 4. S. 100–108. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150410>
27. *Rudenskij E. V.* Deprivatsionnyj viktizm kak sotsial'no-psikhologicheskij mekhanizm ontogeneza lichnoj viktimnosti // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2013. № 1 (38). S. 141–146.
28. *Rybaltoich D. G., Zajtsev V. V.* Internet-zavisimost': real'naya patologiya ili norma razvitiya informatsionnogo chelovechestva? // Vestnik psikhoterapii. 2011. № 40 (45). S. 23–34.
29. *Sajfutdiyarova E. F., Fatikhova L. F.* Analiz zarubezhnykh issledovanij po probleme ispol'zovaniya komp'yuternykh tekhnologij v korrektsionno-obrazovatel'noj rabote s uchashchimisya s OVZ // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. T. 11. № 3 (27). S. 75–80.
30. *Soldatova G. U., Shlyapnikov V. N., Zhurina M. A.* Evolyutsiya onlajn-riskov: itogi pyatiletnej raboty linii pomoshchi "Deti onlajn" // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2015. T. 23. № 3 (87). S. 50–66. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230304>
31. *Soldatova G. U.* Tsifrovaya sotsializatsiya v kul'turno-istoricheskoy paradigme: izmenyayushchijsya rebenok v izmenyayushchemsya mire // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2018. T. 9. № 3. S. 71–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
32. *Soldatova G. U., Nestik T. A., Rasskazova E. I., Zotova E. Yu.* Tsifrovaya kompetentnost' podrostkov i roditel'ej. Rezul'taty vsrossijskogo issledovaniya. M.: Fond Razvitiya Internet, 2013. 144 s.
33. *Soldatova G., Ol'kina O.* Minusy otkrytosti // Deti v informatsionnom obshchestve. 2015. № 20. S. 36–47.
34. *Soldatova G., Rasskazova E.* Bezopasnost' podrostkov v Internete: riski, sovladanie i roditel'skaya mediatsiya // Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal. 2014. № 3 (15). S. 39–51. <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0305>
35. *Sorokina A. B.* Internet v zhizni sovremennykh detej i podrostkov: problema i resurs // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2015. T. 4. № 1. S. 45–64.
36. *Tarascenko D. V.* K voprosu o sotsial'noj kharakteristike lichnosti nesovershennoletnego, poterpevshego ot seksual'nogo nasiliya // Viktimologiya. 2018. № 1 (15). S. 65–68.
37. *Falkina S. A.* Psikhologicheskie kharakteristiki podrostkov, sklonykh k viktimnomu povedeniyu v Internet-seti // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2014. № 1. S. 230–236.
38. *Fominykh E. S.* Narusheniya lichnostnykh granits studenta-invalida v kontekste ego viktimnoj deformatsii // Izvestiya VGPU. 2012. № 1 (65). S. 122–125.
39. *Frank L. V.* Viktimologiya i viktimnost'. Dushanbe: Irfon, 1972. 264 s.
40. *Chakraborty J., Chakraborty S., Dehlinger J., Hritz J.* Designing video games for the blind: Results of an empirical study // Universal Access in the Information Society. 2017. No. 16 (3). P. 809–818. <https://doi.org/10.1007/s10209-016-0510-z>
41. *Goldberg I.* Internet addiction disorder // Cyberpsychology and Behavior. 1996. Vol. 3. No. 4. P. 403–412.
42. *Good B., Fang L.* Promoting smart and safe internet use among children with neurodevelopmental disorders and their parents // Clinical Social Work Journal. 2015. Vol. 43. No. 2. P. 179–188. <https://doi.org/10.1007/s10615-015-0519-4>
43. *Sallafranque-St-Louis F., Normand C. L.* From solitude to solicitation: How people with intellectual disability or autism spectrum disorder use the Internet // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2017. Vol. 11. No. 1. Article 7. <https://doi.org/10.5817/CP2017-1-7>
44. *Park S., Kim E.* The relationship between online activities, netiquette and cyberbullying // Children and Youth Services Review. 2014. Vol. 42. P. 74–81.
45. *Peluchette J. V., Karl K., Wood C., Williams J.* Cyberbullying victimization: Do victims' personality and risky social network behaviors contribute to the problem? // Computers in Human Behavior. 2015. Vol. 52. P. 424–435. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.06.028>
46. *Young K. S.* Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder // CyberPsychology and Behavior. 1998. Vol. 1. No. 3. P. 237–244.